

Приложение

Министръ Ланской).

Сергій Степанович Ланской родился въ 1786 году. Фамилия его происходитъ отъ старинной польской фамилии

*) Мы имѣли, въ нашемъ изданіи, помѣщать біографическія свѣдѣнія о лицахъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, известныхъ, одни истинными заслугами отечеству, другіе незаслуженными и традиціоннымъ вліяніемъ при Дворѣ; третій счастливыми плутнями и приближеніемъ къ престолу (въ Петербургѣ, эти два последние источника приносятъ, какъ известно, обычный доходъ тѣмъ, кто рѣшается въ нихъ черпать). Въ послѣдующихъ №№. помѣщены будутъ біографіи:

1. Графа Адлерберга (Минина, такъ прозваннаго въ честь Миня Ивановича).
2. Графа Александра Адлерберга.
3. Анненкова, государственнаго контролера.
4. Графа Здуара Баранова.
5. Фельдмаршала князя Барятинскаго.
6. Брока, бывшаго министра.
7. Барона Брунова.
8. Князя Павла Павловича Гагарина.
9. Генералъ-адъютанта Гершенштейна.
10. Князя Ал. Осд. Голицына (писателя).
11. Князя Ал. Мих. Горчакова, министра.
12. Князя Мих. Дм. Горчакова, намѣстника царства Польскаго.
13. Князя Вас. Андр. Долгорукова, главнаго начальника государственной полевой ямы, т. е. III отдѣленія собственной канцеляріи.
14. Генерала Дубельта, землемона и устроителя вышеспомянутой ямы.
15. Лейбъ-медика Евокина.
16. Алексія Петровича Ериколова.
17. Графа Захарьева.
18. Графа Касинича.
19. Министра Кизюкова.
20. Министра Комлевскаго.
21. Статсъ-секретаря барона Корея, несчастнаго любовника всѣхъ министерскихъ порученій, безжалостно ускользающихъ отъ его преслѣдованій.
22. Генералъ-адъютанта барона Инсена.
23. Генералъ-адъютанта Лидерса.
24. Ивана Липарди, извѣстнаго шпіона.
25. Князя Мещкова.
26. Барона Мейендорфа, Петра Драдемавича (или Казимировича).
27. Николая Милютина, оберъ-флигера русской бюрократіи.
28. Графа Муравьева-Амурскаго.
29. Генералъ-адъютанта Муравьева, покорителя Карса.
30. Муравьева, министра-хамелеона.
31. Мухомова, придворнаго оберъ-форъ-шнейдера и рѣзача русской литературы.
32. Мухомова, варшавскаго стародура.
33. Канцлера Графа Нессельрода.
34. Статсъ-секретаря князя Оболенскаго, оберъ-флигера русской бюрократіи.
35. Генералъ-адъютанта Огарева, всероссійскаго оберъ-закройщика.
36. Князя Алексія Бедоронича Орлова.
37. Графа Панина, безконечнаго министра.
38. Министра Прияшниковца.
39. Графа Рибопера, оберъ-камергера.
40. Сабурова, директора театровъ.
41. Генералъ-адъютанта Тимашева, втораго начальника государственной полевой ямы.
42. Ивана Толстаго, товарища министра иностранныхъ дѣлъ.
43. Генералъ-адъютанта Тютюбенца.
44. Графа Ферзена, егермейстера.
45. Чевкина, сессорскаго министра.
46. Князя Владиміра Черкаскаго, розголова и кандидата въ бюрократы.

Ланскихъ, одинъ изъ конхъ, шляхтичъ Ланскихъ, переселился въ Россію въ началѣ 16го вѣка, и потомки его писались Ланскими. Отецъ министра, Степанъ Сергѣевичъ, былъ гофмаршаломъ при дворѣ Александра I, и жена его, Марія Васильевна, рожденная Шатилова, пользовалась особенною благосклонностію Императрицы Маріи Федоровны. У нихъ, кромѣ сына, были еще двѣ дочери; одна вышла за Бориса Алексѣевича Враска, имѣвшаго несчастье служить въ государственной полевой ямѣ, т. е. въ III отдѣленіи Собственной Канцеляріи, другая, Ольга Степановна, вышла за князя Владиміра Федоровича Одоевскаго *). Сергій Степановичъ, еще не достигнувъ 20ти лѣтнаго возраста, пожалованъ былъ, по общему того времени, въ камеръ-юнкера, что дало тогда чинъ статскаго совѣтника. При умѣ самомъ ограниченномъ, при характерѣ слабомъ и трусливомъ, онъ имѣлъ одно дарованіе, довольно полезное при Дворѣ — хорошо танцевать. Семейство его состояло въ родствѣ и въ дружескихъ связяхъ съ семействомъ князей Одоевскихъ, между коими находилась богатая невеста, княжна Варвара Ивановна. На ней женился Ланской. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, единственный братъ Варвары Ивановны, князь Иванъ Ивановичъ, убитъ былъ въ сраженіи подъ Брестомъ, въ 1814 году, и Варвара Ивановна наслѣдовала все имѣніе родителей своихъ, состоящее изъ прекрасныхъ и богатыхъ помѣстій, населенныхъ восемью тысячами душъ

*) Князь Одоевскій, знавшій единственный, и весьма жалкій представитель древняго и знаменитаго рода князей Одоевскихъ, личность довольно-забавная! Въ юности своей онъ жилъ въ Москвѣ, усердно изучалъ нѣмецкую философію, кропотливо стили, производилъ неудачные химическіе опыты и безпрестаннымъ упражненіемъ въ музыкѣ держалъ слухъ въ своемъ знакомствѣ. Въ весьма молодыхъ лѣтахъ, онъ женился на Ольгѣ Степановнѣ Ланской, старшей его нѣсколькими годами, женщинѣ крайне-честолюбивой. Она перевела мужа своего въ Петербургъ, и до такой степени пріохотила его къ петербургскимъ слабостямъ и мелкимъ проказамъ, что при пожалованіи своемъ въ камеръ-юнкера, Одоевскій пришелъ въ восторгъ, столь непотребный, что началъ хвастать, тогдашній министръ восторгъ Ланской, человекъ весьма умный, сказалъ: *онъ однако изъ чѣму приводитъ нѣмская философія!* Одоевскій бросился на всѣ заглавья; давалъ музыкально вечера; писалъ окупилъ поесты, и чего ужъ ни дѣлалъ! По выходѣ его *Пестрыкъ Скавозъ*, знаменитый Пушкинъ спросилъ у него: *какова выводитъ вторая княжна князь Скавозъ? — Нескоря отфальш Одоевскій, онъ пишетъ не леко! — А коли трудно, зачѣмъ же ты пишешь?* возразилъ Пушкинъ. Князь Одоевскій, между свѣтскими людьми, славился за литератора, а между историками за свѣтскаго человека. Сина у него изъ научнаго, жалость къ лѣнтамъ и къ придворнымъ припаданіямъ непомѣная, и постоянно навязывая то на право, то на лѣво, онъ доплатилъ до чина гофмейстера. При его неконкопности, угнетенной совершенною неспособностію ко всему дѣльному и серьезному, мы очень удивимся, если, при существованіи вышеизлагаго порядка (или правильнѣе: беспорядка) вещей въ Россіи еще лѣтъ десятокъ, не увидимъ Одоевскаго оберъ-гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта!

Одоевскій дворянскій братъ декабриста князя Александра Ивановича Одоевскаго, одной изъ благороднѣйшихъ и чистѣйшихъ жертвъ Императора Николая. Послѣ двенадцатилѣтней ссылки въ Сибирь, тирани не хотѣлъ освободить князя Александра Ивановича, а только позволялъ ему перейти рядовымъ на Кавказъ, гдѣ князь Александръ Ивановичъ и кончилъ жизнь, не достигнувъ сорокалѣтняго возраста!

Илл. 2. Первая страница статьи «Министръ Ланской» из газеты «Будущность» (1861, № 1)
Fig. 2. The First Page of the Article "Minister Lanskoj" from the *Buduschnost* Newspaper 1861, no. 1)

Министр Ланской*)

Сергей Степанович Ланской родился в 1786 году. Фамилия его происходит от старинной польской фамилии Ланцких, один из коих, шляхтич *Ланцкий*, переселился в Россию в начале 16го века, и потомки его писались *Ланскими*. Отец министра, Степан Сергеевич, был гофмаршалом при дворе Александра I, и жена его, Мария Васильевна, рожденная Шатилова, пользовалась особенною благосклонностию Императрицы Марии Федоровны. У них, кроме сына, были еще две дочери; одна вышла за Бориса Алексеевича Враского, имевшего несчастье служить в государственной помойной яме, т. е. в III Отделении Собственной Канцелярии, другая, Ольга Степановна, вышла за князя Владимира Федоровича Одоевского**). Сергей Степанович, еще не достигнув 20^{ти} летнего возраста, пожалован был, по обычаю того времени, в камер-юнкера, что давало тогда чин статского советника. При уме самом ограниченном, при характере слабом и трусливом, он имел одно дарование, довольно полезное при Дворе — хорошо танцевал. Семейство его состояло в родстве и в дружеских связях с семейством князей Одоевских, между коими находилась богатая невеста, княжна Варвара Ивановна. На ней женили Ланского. По прошествии нескольких лет, единственный брат Варвары Ивановны, князь Иван Иванович, убит был в сражении под Бриенном, в 1814 году, и Варвара Ивановна наследовала все имение родителей своих, состоящее из прекрасных и богатых поместий, населенных восемью тысячами душ крестьян. Варвара Ивановна умерла лет пятнадцать тому назад; она была женщина умная и почтенная, весьма любимая и уважаемая всеми своими знакомыми.

Богатство Ланского обратило на него внимание масонов, к числу коих он принадлежал по моде тогдашнего времени. Масонские ложи, при Екатерине II имевшие цель политическую и цель благотворительную вместе, и с большим успехом подвизавшиеся на обоих поприщах, были закрыты Екатериною в девяностых годах прошлого столетия. При Павле о них не могло быть и речи. При Александре они возобновились, но вскоре, по кончине лучших и чистейших своих деятелей, Николая Ивановича Новикова, Ивана Петровича Тургенева, Ивана Владимировича Лопухина, масонские ложи обмельчали и наконец, по запрещении их в последние годы царствования Александра I, и в особенности по воцарении Незабвенного, продолжали существование скрытное, уже не вмешиваясь в политику, и даже избегая ее. Масонство в России преобразилось в общество взаимного вспомоществования и поддержки взаимной; богатые масоны щедро помогали бедным; люди влиятельные, сильные, имеющие связи, усердно покровительствовали своим собратьям; хотел ли масон получить какое-либо место, искал ли выиграть процесс, все масоны помогали ему своим влиянием, и эта поддержка, тем более сильная, что оставалась тайною и невидимою, много способствовала карьере Ланского. Он доселе председатель тайной петербургской масонской ложи,

точно так, как недавно умерший Сергей Павлович Фон-Визин был, до самого конца жизни своей, председателем тайной московской масонской ложи. Ланской, от природы ленивый, беспечный и бестолковый, промотал почти все имение жены и детей своих.

Поселясь, после своей свадьбы, в Москве, он, влиянием масонов, избран был там в совестные судьи, и оказался совершенно непонимающим дел. Его назначили губернатором во Владимир: вскоре по губернии пошел хаос. Куда девать бестолкового губернатора? Разумеется, в кладовую, куда сливают все бесполезное — в правительствующий Сенат! И Ланского сделали сенатором. Оказалось, что он вовсе не понимает дел. Его сажают в почетные опекуны петербургского воспитательного дома. Казалось, делать почетным опекуном человека, промотавшего имение жены и детей — противно всем понятиям здравого рассудка, но разве русское правительство действует по наитию здравого рассудка? У нового почетного опекуна пошел ералаш во вверенных ему делах. Тогда, отчасти поддержкою масонов, отчасти покровительством своего родственника, председателя государственного совета князя Чернышева (мать его была Ланская), Сергей Степанович был назначен, 1 января 1850 года, членом государственного совета. Тут он был, конечно, на своем месте, среди всех стариков бездарных и бесполезных, наполняющих эту государственную богадельню. Неспособность Ланского не могла, в Петербурге, остаться без награды. 1 января 1851 года он вступил в чин действительного советника, высшую гражданскую степень в парнике дураков, именуемом табелью о рангах. Кроме того, судьба готовила Ланскому будущность, им вовсе неожиданную.

С 1852 по 1855 год министром внутренних дел находился Дмитрий Гаврилович Бибииков, имевший целью ввести по всей России сельские инвентари, чтобы, по прошествии немногих лет, перейти к полному освобождению крестьян с землею, и вознаграждению помещиков финансовыми мерами. Император Александр будучи Великим Князем, сильно противился освобождению крестьян, и при всяком случае изъявлял особое нерасположение к Бибиикову. Сей последний навлек также на себя ненависть пронырливого князя Орлова и лукавого Дубельта, под именем ленивого и беспечного Орлова самовластно управлявшего тайною полицией. Предшественники Бибиикова в министерстве внутренних дел имели слабость допустить Дубельту, не только вмешиваться во многие дела этой важной ветви управления, но еще иногда и решать эти дела самовольно. Бибииков, что называется, осадил Орлова и Дубельта, и они, воскипев гневом, всеми силами старались раздуть неудовольствие на него нового Государя, и без того его не любившего. Орлову хотелось иметь министра внутренних дел, который, и по неспособности умственной, и по слабости характера трусливого, безропотно допускал бы вмешательство тайной полиции во все дела, куда ей вздумается запустить свою руку грязную и жадную; сверх того, Орлов, окончивающий уже в то время седьмой десяток лет своих,

полагал, что все люди, недостигшие 60^{ти} летнего возраста — мальчишки неопытные (мнение, в течение последних тридцати лет весьма распространенное при С. П. Бургском дворе). В 1851 году, во время летней поездки на воды графа Льва Перовского, Ланской четыре месяца управлял министерством внутренних дел, оказал свою неспособность, но вместе с тем и угодливость III отделению. Орлов знал, что Ланскому 69 лет от роду; он знал, что Ланской неспособен ни к чему, что Ланской трус, что Ланской промотался и что ему нечем жить: лучше Ланского ему найти было нельзя. Это была пародия басни лягушек, просящих чурбана в цари: тут мы увидели министров, которые стали просить себе у Царя в товарищи чурбана — и получили. Ланской назначен был министром внутренних дел 20 августа 1855 года, через полгода по воцарении Александра II, через полгода после памятного в русских летописях дня, как Россия имела счастье лишиться Незабвенного.

Но с Орловым случилось, что часто бывает с людьми хитрыми и пронырливыми, но имеющими ум ограниченный: эти люди отлично устроят мелкие делишки, но вовсе не умеют сообразить дел важных, а тем более государственных. Он упустил из виду, что намерения Государя могут перемениться, и что тогда Ланской, при Николае бывший приверженцем крепостного состояния, явится эмансипатором, точно так, как при Иоанне Грозном он отправился бы на Красную Площадь варить людей в котлах, и своею рукою подгрел бы уголья под котлы, не из жестокости — он вовсе не жесток — а единственно руководимый теми чувствами, которые, со времени татарского ига и до наших дней, увлекали большую часть русских сановников творить всякие мерзости. Чувства эти: глупость, трусость и желание сохранить свое место***).

Через два года по восшествии своем на престол, Александр II увидел, что без реформ Россия стремится к своей гибели, а что без освобождения крестьян никакие реформы невозможны. Он принялся за дело освобождения, и Ланской открыто стал на стороне эмансипаторов. Эта черта была бы прекрасною и могла бы заслужить Ланскому почетное место в русской истории, если бы он действовал по убеждению или по крайней мере шел одною, прямою дорогою. Но он постоянно подчиняет свои действия влияниям, преобладающим в ту минуту в Зимнем Дворце. А кому не известно, что в нынешнее царствование, в Зимнем Дворце не семь пятниц в неделю, а семь пятниц в каждом дне? Откуда ни подует ветер, в ту сторону тотчас поворачивается старый флюгер Сергей Степанович. Сегодня он подписывает циркуляры о улучшении быта крестьян; завтра циркуляр о содействии винному откупу, хотя бы оружием, опаивать, развращать и грабить крестьян, и благородное русское войско заставляют служить орудием для откупщиков и для чиновной орды в достижении их мерзких целей. Сегодня Ланской предписывает комитетам губернским изыскивать средства к улучшению быта крестьян, а завтра предписывает им сохранение обязательной работы,

вернейшего пути к резне и к пугачевщине; послезавтра запрещает дворянским собраниям, вопреки всем законам, рассуждать о ближайшем и важнейшем из их интересов; наконец, в феврале нынешнего года, изъясняет согласие на одно из подлейших действий тайной полиции: на ссылку Алексея Михайловича Унковского в Вятку и Александра Ивановича Европеуса в Пермь!

Ланской не министр: он чернильница, куда всякий обмакает свое перо, чтобы писать всякую чушь.

Отчего все это происходит?

Оттого, что Ланской ленив, беспечен, глуп и трус. Сверх того, не будь он на службе, ему бы не хватило денег даже на покупку румян, кои он ежедневно употребляет. Теперь он живет в великолепном министерском доме, имеет огромное содержание, сытно ест, множество людей ему кланяются, а заимодавцы не смеют его беспокоить. Как же, после этого, ему не угодить царской дворне, казнокрадам и бюрократам?

А Россия, для наших сановников, что такое?... Дойная корова!

Ей! Господа! Берегитесь и обдумайтесь! Смотрите, чтобы дойная корова вскоре не превратилась для вас в разъяренного быка!

Мы видели, что Ланской, по неспособности быть совестным судьей, назначен был губернатором; по неспособности к должности губернаторской, назначен сенатором; по неспособности быть сенатором, назначен почетным опекуном; по неспособности к должности почетного опекуна назначен членом государственного совета, и в награду за то, что даже в этой государственной деятельности оказался одним из пустейших людей — сделан министром. При такой высокой и совершенной неспособности, мы надеемся вскоре увидеть его государственным канцлером и светлейшим князем...

Еще сорок лет тому назад Грибоедов сказал про одного из подобных людей:

Он дойдет до степеней известных:

У нас ведь любят бессловесных!

*) Мы намерены в нашем издании помещать биографические сведения о лицах, как живых, так и умерших, известных, одни истинными заслугами отечеству, другие незаслуженным и вредным влиянием при Дворе, третьи счастливыми плутнями и прибыльными подлостями (в Петербурге, эти два последние источника приносят, как известно, обильный доход тем, кто решается в них черпать). В последующих № № помещены будут биографии:

1. Графа Адлерберга (Минина, так прозванного в честь Мины Ивановны).
2. Графа Александра Адлерберга.
3. Анненкова, государственного контролера.
4. Графа Эдуарда Баранова.
5. Фельдмаршала князя Барятинского.

6. Брока, бывшего министра.
7. Барона Брунова.
8. Князя Павла Павловича Гагарина.
9. Генерал-адъютанта Герштенцвейга.
10. Князя Ал. Фед. Голицына (инквизитора).
11. Князя Ал. Мих. Горчакова, министра.
12. Князя Мих. Дм. Горчакова, наместника царства Польского.
13. Князя Вас. Андр. Долгорукова, главного начальника государственной помойной ямы, т. е. III отделения собственной канцелярии.
14. Генерала Дубельта, землекопа и устроителя вышеупомянутой ямы.
15. Лейб-медика Енохина.
16. Алексея Петровича Ермолова.
17. Графа Закревского.
18. Графа Клейнмихеля.
19. Министра Княжевича.
20. Министра Ковалевского.
21. Статс-секретаря барона Корфа, несчастного любовника всех министерских портфелей, безжалостно ускользающих от его преследований.
22. Генерал-адъютанта барона Ливена.
23. Генерал-адъютанта Лидерса.
24. Ивана Липранди, известного шпиона.
25. Князя Меншикова.
26. Барона Мейендорфа, Петра Драдедамовича (или Казимировича).
27. Николая Милютина, обер-флюгера русской бюрократии.
28. Графа Муравьева-Амурского.
29. Генерал-адъютанта Муравьева, покорителя Карса.
30. Муравьева, министра-хамелеона.
31. Муханова, придворного обер-фон-шнейдера и резака русской литературы.
32. Муханова, варшавского стародура.
33. Канцлера Графа Нессельрода.
34. Статс-секретаря князя Оболенского, обер-флюгера русской бюрократии.
35. Генерал-адъютанта Огарева, всероссийского обер-закройщика.
36. Князя Алексея Федоровича Орлова.
37. Графа Панина, бесконечного министра.
38. Министра Прянишникова.
39. Графа Рибопьера, обер-камергера.
40. Сабурова, директора театров.
41. Генерал-адъютанта Тимашева, второго начальника государственной помойной ямы.
42. Ивана Толстого, товарища министра иностранных дел.
43. Генерал-адъютанта Тотлебена.
44. Графа Ферзена, егермейстера.
45. Чевкина, всессорящегося министра.
46. Князя Владимира Черкасского, розголюба и кандидата в бюрократы.

**) Князь Одоевский, ныне единственный и весьма жалкий представитель древнего и знаменитого рода князей Одоевских, личность довольно забавная! В юности своей он жил в Москве, усердно изучал немецкую философию, кропал плохие стихи, производил неудачные химические опыты и беспрестанным упражнением в музыке терзал слух своим знакомым. В весьма молодых летах он женился на Ольге Степановне Ланской, старшей его несколькими годами, женщине крайне честолубивой. Она перевезла мужа своего в Петербург, и до такой степени приохотила его к петербургским слабостям и мелким проискам, что при пожаловании своем в камер-юнкера, Одоевский пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков, человек весьма умный, сказал: *вот однако к чему приводит немецкая философия!* Одоевский бросался на все занятия; давал музыкальные вечера; писал скучные повести, и чего уж не делал! По выходе его *Пестрых сказок*, знаменитый Пушкин спросил у него (я тогда вовсе не был еще знаком с Пушкиным): *когда выйдет вторая книжка твоих сказок?* — *Нескоро*, отвечал Одоевский. *ведь писать не легко!* — *А коли трудно, зачем же ты пишешь?* возразил Пушкин. Ныне Одоевский, между светскими людьми, слывет за литератора, а между литераторами за светского человека. Спина у него из каучука, жадность к лентам и к придворным приглашениям непомерная, и постоянно извиваясь то направо, то налево, он дополз до чина гофмейстера. При его низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностью ко всему дельному и серьезному, мы очень удивимся, если, при существовании нынешнего порядка (или правильнее: беспорядка) вещей в России еще лет десяток, не увидим Одоевского обер-гофмейстером и членом Государственного совета!

Одоевский двоюродный брат декабриста князя Александра Ивановича Одоевского, одной из благороднейших и чистейших жертв Императора Николая. После одиннадцатилетней ссылки в Сибирь, тиран не хотел освободить князя Александра Ивановича, а только позволил ему перейти рядовым на Кавказ, где князь Александр Иванович и кончил жизнь, не достигнув сорокалетнего возраста!

**) Стародуры, ныне недовольные Ланским, выдумали плохой каламбур. Так как Ланской румянится, они его прозвали *красным министром*.

Публикуется по: Будущность. 1860. № 1. С. 6–8.